

Гендиректор «Золотой Маски»
Эдуард Бояков — Газете

Эдуард Бояков: «Я всегда сперва ухожу, а потом уже думаю о том, куда мне идти» Фотограф: Михаил Слицын

“В мире театра такое же количество упырей и идиотов, как и в нефтяном бизнесе”

01 СТР Как вообще получилось, что парень из Воронежа, работавший завлитом в театре и преподававший в тамошнем университете, вдруг вышел на такие бизнес-орбиты?

Это было потрясающее время начала 1990-х, и тогда было все возможно. Карьеры делались исключительно преподавателями, комсомольскими работниками... Комсомолу дали тогда возможность заниматься коммерческой деятельностью, и многие известные бизнесмены вышли оттуда. Возьми хотя бы Ходорковского. Было ощущение, что тебя забросили куда-то на пятнадцать ступенек вверх, и из этого рождалось чувство тотального экстрима. Вроде бы только что я себе колбасу не мог позволить купить, и вдруг у меня машина с персональным водителем. Это случилось моментально, за два месяца. Сейчас бы я не сделал в этом бизнесе карьеру, там уже совсем другие требования. Но сейчас я очень счастлив тем, что, как мне кажется, вовремя свалил из этого бизнеса.

Почему же? Ты бы сейчас, возможно, миллионами ворочал.
Конечно. Все мои друзья, с которыми я начинал, сейчас стали мультимиллионерами. У каждого свои амбиции, своя планка. Кому-то хочется иметь самолет, а для кого-то достаточно и квартиры в Митино. Я ушел из бизнеса потому, что меня в какой-то момент оттуда стала выталкивать сама ситуация. В своей биографии нужно как можно чаще что-то менять. Нельзя сидеть на месте.

А что за ситуация такая возникла? Кокнуть могли за бабки?

Удивительнейшим образом мой бизнес был легален — в первую очередь из-за того, что наши контракты были связаны с государственными обязательствами России. Я в своей жизни столько налогов заплатил со сделок, что можно было бы на эти деньги в течение жизни содержать десятки театров. Хотя, конечно, в то время было все опасно. Даже коммерческий киоск и то опасно было содержать. Но некоторым из моих коллег, оставшимся в бизнесе, я не завидую. Это честно. Несмотря на свои безграничные финансовые возможности, они — люди потерянные.

Это ты насчет исковерканных чистогоном душ?

Если говорить без иронии, то да. Это все равно что подвергнуться какому-то жестокому радиоактивному облучению. Это очень опасная профессия. Причем опасность эта не только для жизни, но и для души. У всех у них не сложившиеся судьбы, и большинство из них — люди надорванные, несчастные. Пойми меня правильно: я вовсе не хочу сказать, что я надрылся в мире большого бизнеса среди бандитов, а потом пришел в прекрасный светлый мир театра. В мире театра примерно такое же количество упырей и идиотов, как и в нефтяном бизнесе.

Когда ты вернулся из бизнеса в театр, ты пришел с совершенно четким намерением построить фестиваль?

В недрах СТД возникла идея, почему бы из московской премии не сделать все-российский фестиваль. Но для того чтобы сделать его, надо было найти деньги, придумать концепцию и много чего другого. Поскольку у меня к этому времени уже были связи в бизнес-кругах и какой-никакой опыт, то я стал их активно использовать для строительства нового фестиваля. Я был не менеджером, а продюсером, и это принципиально разные вещи: менеджер — это администратор, управленец, а профессия продюсера связана с креативными функциями. Мы создавали эту систему, чтобы быть настоящим зеркалом русского театра, отражать объективную картину. Но ты представляешь, каково в этой ситуации находить спонсоров? Ведь они вкладывали деньги неизвестно во что. А я как продюсер, уговаривая спонсора, даже не могу ему абсолютно ничего гарантировать! Я не могу ему сказать: «Вам нравится Гришковец? Будет!» Все зависит не от меня, это экспертный проект. Но в конце концов мы добились того, что люди стали осознавать: это объективная профессиональная награда.

Нужны ли призы? Почему бы «Маске» вообще не отказаться от распределения наград и не сделать просто фестивалем лучших российских спектаклей?

Во всех странах, где есть репертуарный театр, работает точно такая же система с присуждением призов. И в Голландии, и в Германии. В Голландии, например, очень смешная модель, характерная для этой уди-

вительной культуры: они настолько открыты миру, что зовут в жюри критиков со всего мира для того, чтобы те решили судьбу их национальной театральной награды. Представляешь, какой бы у нас шум поднялся, если бы судьбу «Золотой маски» решали иностранцы? (Смеется.)

Вот как раз по случаю юбилея «Маски» и надо было пойти на такой эксперимент.

Надо подумать! Мне только что такая мысль в голову пришла. Можно хотя бы альтернативное жюри создать. Но, возвращаясь к твоему вопросу, скажу все-таки, для чего непременно нужны награды. Награда — это интрига. А интрига будоражит общество. Время у нас сейчас такое, что оно само диктует эту агрессивную модель. Ты посмотри на телевизионный монтаж, на газетную верстку — это же всегда очень агрессивно и в какой-то степени даже тоталитарно. Для того чтобы зацепить читателя или зрителя, нужно вести себя наступательно и провоцировать интригу. Лично мне не нравится идея награды, но, если не делать конкурса, будет очень тяжело будить общественный интерес. Сходи на гастроли провинциальных театров, приезжающих в Москву, скажем, по линии Театра наций, и ты увидишь, что там полупустой зал. Когда тот же самый спектакль приедет на «Золотую маску», будет, несмотря на недешевые билеты, полный зал. Я тебе это гарантирую.

Ты сказал, что на создание «Золотой маски» как устоявшегося фестиваля тебе понадобилось лет семь. Значит ли это, что в последние два-три года тебе стало в «Маске» скучно?

Мне никогда не бывает скучно. Поверь, я не кокетничаю. Мне интересно с самим собой, даже когда я в течение месяца живу совершенно один на морском побережье, — я стараюсь с собой время от времени такие опыты продлевать. Также интересно мне и та насыщенная жизнь, которой я живу в Москве. Просто ситуация развивается в таком направлении, что я почувствовал: пора оставить «Золотую маску». Просто надо не плыть против течения собственной жизни и прислушаться к самому себе, чтобы это понять. Проект «Золотой маски» сделан. Он готов и должен существовать в формате, близком к сегодняшнему. Я убежден, что ничего лучше не придума-

ешь. Можно, конечно, придумывать что-то, но надо ли? Вот Марк Захаров и еще кто-то предлагали: раз у нас в стране семь региональных округов, давайте, дескать, проводить конкурсы в каждом из регионов и по одному победителю с региональных фестивалей посылать в Москву. Ну а если в одном округе появится четыре гениальных спектакля, а в другом — ни одного... Тогда что?

В последние год-два ты совершил несколько экстравагантных прыжков в сторону — побыл актером, поставил спектакль... Раз уж ты сказал, что надо прислушиваться к себе, то прислушайся и ответь: в твоей жизни настал момент, когда пора сменить профессию?

Я буду ставить спектакли — это однозначно. У меня есть совершенно конкретные предложения, в том числе и связанные с работой за рубежом. Есть потрясающий композитор Владимир Мартынов. Когда я слышу его музыку, то переживаю сильнее эмоции, и я хочу, чтобы он написал оперу. Мы пишем с ним либретто по «Новой жизни» Данте. Я считаю Владимира Сорокина выдающимся писателем и испытываю сильнее страдания из-за того, что современный театр не проявляет интереса к его творчеству. Поэтому я буду ставить его пьесы. Мне нравится Гришковец, и поэтому я сделал с ним «Осаду» во МХАТе. Это для него значительный опыт — опыт хождения в академический театр.

Тебе нравится разъезжать традиционное, порой рутинное театральное пространство авангардными опытами?

Слово «разъезжать» несет в себе какие-то отрицательные коннотации. Мне совершенно не хочется с кем-то бороться. Но мой тип как продюсера, конечно, таков, что я питаю интерес к актуальному искусству.

Ответ как продюсер: почему в Европе, в театре, актуальное искусство куда более распространено, чем в России? Только ли потому, что они там «с жиру бесят-ся»?

За счет демократических институтов у них очень отработана система экспертной поддержки. Государство доверяет экспертам, а эксперты диктуют государству, кого надо поддерживать. Эксперты имеют власть,

а коммерческий театр ее не имеет. Театр «Ленком» при всем моем уважении к нему не получал бы при этой системе от государства ни копейки. Малый театр получал бы, МХАТ — не знаю, может быть. А театры «АХЕ», «Дерево» и, скажем, Андрей Могучий совершенно точно получали бы дотации.

Ты уходишь из «Золотой маски». Сформулируй, пожалуйста, по каким дорогам ты намереваешься теперь двигаться. Где главная магистраль, по которой ты направишься, а где отходящие в сторону тропиночки? Ты же ведь не из тех людей, которые уходят в «никуда».

Я всегда сперва ухожу, а потом уже думаю о том, куда мне идти. (Пауза.) Я буду ставить спектакли — один по Гофману, а другой — абсолютно радикальный, в формате «Театра.doc». Я буду путешествовать — для поиска каких-то серьезных творческих впечатлений. То, что я нахожу в Амстердаме, или в Индии, или в Африке, для меня имеет очень серьезное значение, и это имеет прямое отношение к актуальному искусству. Есть музыканты, которым я очень хочу помочь. Я хочу заниматься продюсированием в музыкальной сфере, причем здесь у меня очень широкие, я бы даже сказал, криминально широкие вкусы: от симфонической музыки до электронной. Может быть, это не очень скромно, но я хотел бы иметь хоть какое-нибудь отношение к тому, чтобы в России возник аналог того, что в Англии в свое время совершил Питер Гэбриэл. Мне безумно интересно сочетание современных музыкальных языков. Музыкальный продюсер — это совершенно другая специальность. Музыка интересует меня сейчас более всего. Хочется рожать какие-то затеи, поработать за рубежом...

В Африке?

Еще не знаю. Но не в Европе, это точно. Поработать как продюсер, как практик. И в Африке, и в Индии есть искусство, есть потрясающе творческие люди. И на хрен мне тогда этот театр сдался? В конце концов, я никаких серьезных предложений в Москве не получал, а интриговать или упрашивать не собираюсь. Кроме театра есть много интересного. Мне главное, чтобы рядом были люди, в которых я влюбляюсь и с которыми мне хочется работать. Если я встречу какого-нибудь выдающегося музыканта, то легко променяю всю работу в театре ради сотрудничества с ним. Есть люди, которые по двадцать, по тридцать лет работают в театре, и они озабочены тем, чтобы сохранить status quo. Я, в отличие от них, постоянно стараюсь бороться со всякими стереотипами, в том числе и профессиональными. Такова моя природа, так я устроен. И потом мне очень тяжело стало в Москве.

Если ты уедешь далеко-далеко, то как же тогда Пасхальный фестиваль, «Новая драма» и масса других проектов?

Я не собираюсь уезжать навсегда. У меня здесь дом, мама, бабушка, ребенок, любимые люди... Но разве пять-шесть месяцев это много? Так или иначе, все вопросы, связанные с моим отъездом, решать я буду после окончания «Золотой маски».

газета

от Кызыл-Юрта до Сингапура

Эдуард Бояков родился в 1964 году в дагестанском городе Кызыл-Юрт. В 1990-м с отличием окончил журфак Воронежского университета, в 1995-м — Академию народного хозяйства им. Плеханова по специальности «маркетинг и финансы». Работал завлитом в воронежском ТЮЗе, два года преподавал в местном университете. Переехав в начале 90-х в Москву, поступил на службу в компанию «Менатеп», позднее стал генеральным менеджером компании сингапурской корпорации AGIO. С 1995 года — генеральный директор фестиваля «Золотая маска». В 2002 году одновременно возглавил Московский Пасхальный фестиваль. Продюсер более 20 спектаклей. В этом сезоне как режиссер поставил «Свадебное путешествие» Владимира Сорокина.